

Ван Цзинцяо был непоколебимо преданным слугой. Стоило только получить весть о том, что Его Императорское Величество болен, как мужчина рано утром притащил своё престарелое тело в императорский дворец и, услышав пожелание Его Величества, сразу же проследовал за придворным евнухом в покои императора.

Он много лет прислуживал Огненному императору Янь-ди и переживал за здоровье Его Величества. Мужчина дошёл до крытой галереи, где случайно встретился с Юн Шанем. Старик лишь поспешно склонил голову и, не вымолвив ни слова, тотчас же направился в комнату.

Юн Шань смотрел, как дверь, за которой были скрыты бесчисленные тайны, открылась и сразу же закрылась, в душе не понимая, что происходит на самом деле.

В том же году, будучи оклеветанным и находясь во Дворце Наказаний, он тоже боялся и, конечно же, питал злобу, но такого страха, который мог бы разорвать его сердце и лёгкие, совершенно не испытывал.

Неудивительно, что многие говорят «на высоте не перенести мороза» [1]. Быть наследником престола — значит постоянно ходить по тонкому льду. Разницы совершенно никакой.

Перед глазами дворцовых придворных и охраны совершенно нельзя было обнажать своих трещин. Поэтому Юн Шаню только и оставалось, что тихо стоять с преспокойным видом и позволять северному ветру до боли царапать холодным дыханием его лицо. И пока холод пронизывал Юн Шаня до мозга костей, сам юноша должен был оставаться целомудренным наследником престола, скрывая свои слабости.

Юн Шань не мог снова бросаться от одной мысли к другой. Вместо этого он заставил себя вспомнить о лежащем на постели Юн Ци. О его волнующем воображение белом, словно нефрит, теле, которое было завернуто в тёплое ватное одеяло. О его изящном лице, которое украшала улыбка. Совершенно позабыв про осторожность, его старший брат прильнул к нему и уснул, будто белоснежный, удивительно редкий, кроткий, послушный и простодушный оленёнок.

Изначально эти воспоминания должны были успокоить его, но, чем больше Юн Шань думал об этом сладостном моменте их единения, тем сильнее его сердце болело, будто его пронзали ножом.

Он не должен был трогать Юн Ци. Как только дело старшего брата было рассмотрено, а сам юноша отпущен на свободу, Юн Шаню стоило отправить Юн Ци в пожалованные тому земли, туда, где находится дворец бывшего наследного принца. Разве поступить так — не самое лучшее решение?

Но сейчас, если действительно произойдёт какое-то несчастье, то это затронет и Юн Ци...

Время медленно тянулось. Юн Шань провёл в крытой галерее больше получаса, и хоть его тело было крепким и натренированным, то вот лицо постепенно замерзло, приобретая тёмно-синий оттенок.

Слуги, что стояли перед дверью императорской опочивальни, тоже начали трястись от холода и с осторожностью притопывали ногами, потирали руки, обдавая их тёплым дыханием. У Цай увидел, что шестнадцатилетний наследник престола уже больше получаса стоит под порывами ветра, словно изваяние. С одной стороны, юноша думал, что может надоесть своим присутствием золотым ветвям и яшмовым листьям, но с другой, он всё же не выдержал, незаметно для всех разыскал тёплую медную грелку для рук и поднёс её Юн Шаню:

— Ваше Высочество, пройдите вперёд и подождите там. Там не так сильно дует, как здесь.

Но Юн Шань покачал головой и равнодушно произнёс:

— На этом месте стоят министры, ожидающие аудиенции с императором, так что я останусь здесь. Если я пройду вперёд, то потеряю право на встречу с Его Величеством. — Юн Шань бросил взгляд на грелку для рук, что принёс У Цай, и на его замёрзшем и бледном лице появилась еле заметная улыбка. Юноша тихо проговорил:

— Отнеси назад, какой сын будет держать грелку, ожидая встречи с отцом-императором?

У Цай в глубине души удивился.

Раньше он слышал, как говорили, что этот наследный принц не только жесток к людям, но ещё и к самому себе. И сегодня слуга в этом убедился. Он заботился об Огненном императоре Яньди, и, будучи человеком неглупым, юноша сразу же поступил умно — отступил, возвращаясь на своё место. У Цай не посмел сам использовать грелку для рук, поэтому сразу отдал её придворному, что стоял рядом с ним.

Этот поступок до глубины души тронул слугу.

Спустя примерно ещё полчаса дверь вновь открылась. Из комнаты неторопливо вышел Ван Цзинцяо и, заметив Юн Шаня в крытой галерее, испугался. Он прошёл вперёд и спросил:

— Ваше Высочество всё ещё ждёт, когда император позовёт Вас?

Юн Шань учтиво проговорил:

— Да. Прошу почтенного Ван Цзинцяо передать отцу-императору, что Юн Шань всей душой переживает за здоровье отца-императора и надеется на встречу, чтобы поприветствовать Его Величество и справиться о его самочувствии.

Ван Цзинцяо долгое время смотрел на юношу тусклыми глазами и тихо, со вздохом сказал:

— Ваше Высочество, пожалуйста, проходите. Император приказал, если Ваш старый слуга выйдет и увидит ждущего у дверей наследного принца, то пусть сразу пригласит Его Высочество войти.

Сердце Юн Шаня подпрыгнуло в груди, и, подавив все эмоции, он слегка кивнул наставнику. Юноша поднялся на ступень и наконец подошёл к раскрытой двери, остановился, чтобы успокоить бешеное сердцебиение, и, ведя себя как подобает наследному принцу, перешагнул высокий порог.

В опочивальне императора было тихо. Вопреки ожиданиям, никто не крутился вокруг Его Величества, прислуживая ему.

Тёплый воздух, который струился по подземному туннельчику, согревал пол. В печках бушевал ярко-красный огонь. Юн Шань, резко войдя с мороза в тёплую комнату, невольно начал дрожать. Быстрым шагом юноша подошёл к Огненному императору Янь-ди, опустился перед ним на колени и проговорил:

— Родной сын приехал к отцу-императору, чтобы справиться о его здоровье. — Тон Юн Шаня и его манеры были преисполнены спокойствия.

Когда Огненный император Янь-ди был молод, он был полон решительности и неоднократно менял дворец, делая это снова и снова. Он принимал беспощадные и суровые решения, действовал без всякого снисхождения. Каждый человек трепетал от страха перед Его Величеством. Но в последние годы император начал постепенно увядать, терять молодость, и, охваченный болезнью, он всё чаще находился в постели. В эту зиму император сильно боялся холода, поэтому в опочивальне постоянно горели печки, обогревая как пол, так и саму комнату. В данную минуту император полулежал на кровати. Нижняя часть его тела была укрыта плотным шёлковым одеялом с густым мягким ворсом, а на худые плечи было накинуто ярко-жёлтое парадное платье.

Однако, несмотря на это, в лице самого императора не было ни кровинки, а кожа своей сухостью и желтизной напоминала восковую свечу.

— Поднимись и подойди ближе к отцу-императору.

Голос Огненного императора звучал немного хрипло. Неспеша отдав приказ, мужчина дал понять Юн Шаню, чтобы тот сел у изголовья кровати.

Юн Шань не был таким дерзким и беспечным, как его брат Юн Линь. Довольно много влиятельных и знатных людей в императорском дворце были отстранены от должности, так как они сразу же становились порочными и переоценивали свои силы, начиная кичиться и наглеть. И Юн Шань, будучи восходящим преемником Его Величества, в чьей власти было немало человеческих судеб, не мог себе позволить даже малейшую оплошность. Он и помыслить не мог о том, чтобы сесть на кровать отца-императора.

Всё же приблизившись к постели Огненного императора Янь-ди, Юн Шань вновь опустился на колени, поднял голову и проговорил:

— Отец-император, позвольте Вашему сыну, стоя на коленях, позаботиться о Вас.

Янь-ди слегка удивился, растянул губы в бледной улыбке и покачал головой, со вздохом говоря:

— Этот твой характер...

Его улыбка получилась слегка горькой и мимолётной. Мужчина тихо убрал её с лица и неторопливо произнёс:

— Твой наставник сказал мне, что недавно вы начали проходить «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы».

— Это так, отец-император.

— И что уже удалось изучить?

Поняв, что отца-императора сейчас волнует его обучение, Юн Шань слегка расслабился.

Император и принц нисколько не были похожи на отца и сына. Несмотря на то, что перед глазами находился родной человек, плоть от плоти, кровь от крови, одно его слово могло в одночасье сломать жизнь Юн Шаню и уничтожить всё, чем тот дорожил.

К родственным чувствам добавлялась огромная власть. В императорском дворце произошло множество кровавых трагедий именно по причине родства, так как не было иного выхода.

Поэтому Юн Шань был крайне осторожным и не позволял себе лишней небрежности.

— Спешу ответить отцу-императору, мы только начали изучать «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы». Наставник Ван рассказал две-три строфы, и они были просты по сравнению со «свободным скитанием» [2], которое не так-то просто понять. Дворцовый наставник вчера проводил занятие, сразу же поясняя небольшой отрывок, что прочёл до этого. На этом всё.

— Просты, хм. — Янь-ди небрежно спросил: — Небо и Земля бесчеловечны и относятся ко всем существам как к соломенным собакам [3]. Совершенномудрый тоже бесчеловечен и относится к народу как к соломенным собакам [4]. В это второе утро вы это проходили на занятиях?

— Да, проходили.

— И это называется просто?

В душе у Юн Шаня всё похолодело. Склонив голову, юноша неторопливо ответил:

— Ваш сын был не прав. «Лао-цзы» и «Чжуан-цзы» — великое учение. У Вашего сына немного способностей, и он не смог овладеть истиной, что лежала на поверхности. Премного благодарен отцу-императору за то, что он наставил на ум.

Над склонённой головой Юн Шаня воцарилась тишина.

Каждый нерв юноши напрягся, дыхание затаилось. Так продолжалось достаточно долгое время. И только когда Юн Шань вновь услышал голос императора Янь-ди, вздохнул с

облегчением. Сам же император медленно проговорил:

— Ты слишком юн и поэтому не понимаешь саму суть вещей, но это не так важно, не стоит себя за это порицать. Только я боюсь, что ты никогда не поймёшь всей сути, ведь ты даже не думаешь о том, как её понять.

Он ненадолго замолчал, а потом вновь задал вопрос:

— Ты являешься наследником престола, и волей-неволей отец-император будет со всей строгостью относиться к тому, что ты проходишь на занятиях, понимаешь?

— Понимаю.

— В таком случае, отец-император спрашивает тебя: почему Небо и Земля бесчеловечны, и совершенномудрый тоже бесчеловечен?

Юн Шань тихо задумался на какое-то время, после чего честно ответил:

— Небо и Земля вовсе не бесчеловечны, так же как и совершенномудрый, и всё потому, что они совершенно не обладают пристрастной любовью. Они неподкупны, они позволяют всем существам и человеку жить вольно и непринуждённо. У каждого своя судьба, по воле которой те рождаются, растут и умирают. Именно это люди ошибочно истолковывают, называя бесчеловечностью.

Огненный император Янь-ди уклончиво проговорил:

— У каждого своя судьба. Как ты узнаешь, у кого какая должна быть судьба?

В словах отца-императора было много сокровенной истины, отчего сердце Юн Шаня вновь невольно сжалось. Опустив голову, юноша ждал наставлений отца-императора, но всё, чего он дождался, так это молчания, которое сдавливало его горло и не давало вздохнуть.

Спустя много времени Юн Шань услышал, как Огненный император Янь-ди зовёт его:

— Юн Шань.

— Я здесь.

— Когда я обсуждал с Ван Цзинцяо повседневные дела, он мне кое-что рассказал.

Юн Шань внезапно замер. Вчера Ван Цзинцяо видел его вместе с Юн Ци. Так неужели его старые глаза настолько прозорливы, что сразу же заметили, какую тайну скрывают братья?

Если это действительно так, то тогда большая беда нависла над головой Юн Шаня!

Голос Огненного императора Янь-ди нарушил тишину. Тон его был равнодушным и неторопливым:

— Он сказал, что недавно один провинциальный чиновник послал ему книгу с несколькими небольшими рассказами. Один из этих рассказов очень интересный и наводит на некоторые размышления.

Мужчина замолчал на мгновение, словно вспоминая рассказанное Ван Цзинцяо, и незаметно наблюдал за реакцией Юн Шаня.

Через минуту император неторопливо и плавно заговорил:

— Была семья, которая разводила гусей. Гуси им приносили не только доход, но и служили едой. И эта семья жила очень богато. У отца семейства было десять детей, и, неважно от какой жены они были рождены, от главной или младшей, отец семейства ко всем относился с огромной любовью. Но однажды один из его сыновей заболел странной и неопикуемой болезнью. Старый отец очень сильно обеспокоился, тотчас же взял серебро и позвал лекаря, чтобы тот осмотрел больного ребёнка. Но вопреки его ожиданиям, когда лекарь пришёл, то даже лечить не стал больного, сказав, что эта болезнь слишком тяжела, и тут нужен известный лекарь. Взяв ещё больше серебра, старик попросил другого известного лекаря прийти и осмотреть его сына. Известный лекарь хоть и слыл на весь свет хорошей репутацией, однако его искусства врачевания оказалось недостаточно. Он сказал старому отцу, что знает, откуда взялась эта странная болезнь, однако на свете есть только один сильный и удивительный целитель, способный вылечить его сына.

Но этот необычный целитель назвал пугающе большую сумму за лечение больного ребёнка. Старый отец очень сильно любил своего сына и, конечно же, скрепя сердце, достал все свои накопления, чтобы пригласить этого удивительного человека к себе домой. Этот прекрасный лекарь и впрямь оказался самым сильным. Проверив пульс, он тотчас же заявил, что болезнь ребёнка не такая уж и серьёзная, только лечебное предписание будет немного хлопотным. Каждый день нужно брать сотню свежих гусиных сердец, бросать в кипящую воду и варить два часа. Затем взять наваристый бульон, в котором варились эти сердца, налить его в пиалу и ежедневно поить им больного. Только тогда ребёнок сможет поправиться.

Поначалу старый отец следовал предписаниям и каждый день поил сына бульоном, в котором варились гусиные сердца. И действительно, каждый раз выпивая отвар, ребёнок чувствовал себя лучше. Странная болезнь тотчас же отступила. Старый отец был вне себя от счастья. Однако стоило его сыну день не попить лекарственный отвар, как он сразу же тяжело заболел. Его муки были невыносимы. Так он пил этот отвар целый месяц. Отец семейства, чтобы спасти сына, зарезал около трёх тысяч гусей. Его денежные накопления таяли на глазах, да и гусей уже оставалось мало. Однако старик всё же очень сильно любил своего сына и по-прежнему продолжал убивать гусей.

Так прошёл месяц. Отвар из гусиных сердец больше не помогал. И тогда старому отцу ничего не оставалось, как вновь позвать к себе целителя. Он сказал, что шансы на выздоровление есть, только на этот раз нужно долго варить отвар из лекарственных трав. А что касается отвара из гусиных сердец, то его больше нельзя пить. Вместо этого ребёнку следует дать сваренное сердце одного из его братьев для того, чтобы усилить действие лекарства. Если сделать так, как он говорит, лекарство поможет, и ребёнок, поправившись, десять лет не будет болеть. Только сердце желательно взять у второго сына. Так как второй сын самый умный и работающий из всех братьев. Сердце умного человека является лучшим ингредиентом лекарства и может усилить его эффект.

Слушая лекаря, старый отец пустил только две слезы. На второй день он внезапно поднялся рано утром и сам стал готовить еду для больного сына. Приготовив два разных постных блюда, он поставил на огонь кувшин вина, а сам отнёс еду в комнату, чтобы накормить своего больного ребёнка...

Огненный император Янь-ди рассказывал мягко и уверенно, но, дойдя до половины рассказа, всё же прервался, так и не дорассказав до конца.

Юн Шань слушал отца-императора, и с каждым словом сердце юноши трепетало от страха. Он не мог вымолвить и слова, будто потерял дар речи. В груди раздалась боль, словно кто-то нанёс ему удар точно в сердце. Внезапно Юн Шань поднял голову и посмотрел на Огненного императора Янь-ди, сталкиваясь с ним взглядом.

Всегда серьёзный и спокойный, Юн Шань невольно поменялся в лице, которое почти

искажилось от страха.

Огненный император Янь-ди словно не замечал, что с лицом Юн Шаня что-то не так, и, смеясь, спросил:

— Наследный принц, ты уже догадался, как поступил старый отец?

В голове Юн Шаня стоял шум, будто кто-то изо всех сил бил в большой барабан, отчего помутился разум и круги поплыли перед глазами. В груди словно раненные дикие звери, обезумев, острыми когтями впивались в сердце, царапали и разрывали его на куски, и приносили Юн Шаню дикую боль.

Юноша в растерянности посмотрел на Огненного императора Янь-ди и внезапно дрожащим голосом проговорил:

— Отец-император!

— Глупый сын не догадался, как поступит старый отец... — Юн Шань словно задыхался и, крепко хватаясь пальцами за передний угол кровати, что была сделана из сандалового дерева, дрожащими губами пролепетал: — Родной сын знает только, что отец-император — самый любящий отец в Поднебесной и является сыном Неба! Вы без труда можете распутать такие дела, которые не под силу людям низшего сословия. Отец-император, Вы являетесь самым умным и самым потрясающим человеком, каким бы ни было дело, оно для Вас покажется пустяком. Отец-император, это... Это Ваш сын во всём виноват. Окажите снисхождение, пощадите старшего брата Юн Ци! Умоляю Вас, пощадите старшего брата Юн Ци! Отец-император!

Закончив говорить, Юн Шань изо всех сил стал кланяться в землю.

Ничто не шевельнулось в душе Огненного императора Янь-ди. Мужчина с равнодушным и безразличным видом смотрел, как его сын в кровь разбивает свой лоб, кланяясь ему. Растянув губы в слабой улыбке, император проговорил:

— Я являюсь сыном Неба, однако я также хочу стать самым любящим отцом во всей Поднебесной... Наследный принц, не нужно страдать и возвращаться к одному и тому же, ступай к себе.

Но Юн Шань не послушался, умоляя его снова и снова. Огненный император Янь-ди был вынужден позвать стражу:

— Наследный принц обеспокоен моей болезнью и не хочет возвращаться к себе во дворец. Сопроводите его.

Дворцовые охранники, как только услышали приказ императора, сразу же подчинились его воле. Невзирая на то, что перед ними Его Высочество Наследный принц, стража немедленно схватила Юн Шаня и, бросив «идёмте», выволокла его из опочивальни.

Примечания:

[1] Означает, что люди высокого положения чувствуют себя одиноко.

[2] Отсылка к заглавию 1 главы трактата Чжуан-цзы.

[3] В древнем Китае соломенную собаку использовали для жертвоприношений, по окончании которых её выбрасывали. Обр. в значении: ненужная, бесполезная вещь, хлам.

[4] В оригинале два иероглифа «чу гоу» трактуются как «соломенная собака», которая по древнекитайскому обычаю используется при похоронах, после чего выбрасывается. «Чу гоу» в данном контексте означает существа, в жизнь которых не вмешиваются ни Небо, ни Земля, ни совершенномудрый. Книга Дао Дэ-цзин, трактат Лао-цзы.

<http://bllate.org/book/13372/1189578>